

«ОТ ОБВЕШАЛОСТИ РЕЧЕЙ...»

Книга Геннадия Попова «Снежное лето» (Орел, издательство «Вешние воды») содержит несколько циклов: «Сверкнет упавшая звезда», «Птицы на ветру», «Костры». Приличный объем, серьезная работа. Каждый берущий в руки книгу, пахнущую свежей типографией задается, прежде всего, вопросом: поэзия это или не поэзия? В самом деле, или она есть, или ее нет? У всех стихотворцев налицо стремление к высокому, они ищут в себе душу, идут через космос или же через свое ощущение земного.

В книге Геннадия Попова делается попытка возродить национальное самосознание, проявить свое ощущение Родины. Таков лирический пафос Геннадия Попова, суть книги, «ключ» самого автора, и он, этот «ключ», на мой взгляд, в таких строках:

*«От обветшалости речей,
Бездарных планов, дел и прочих
Пустых, но громких мелочей
Уйти посредственность захочет» («Ода посредственности»).*

Автор говорит о посредственных людях, которых не должно быть якобы в жизни. Конечно, каждый имеет право на жизнь. Но, если, как говорится, господь не дал кому-то таланта, что тогда? И тут автор как бы раздваивается, смещает тему творчества темой жизни.

*«Когда державу на обломках
Бросает в море на волне,
Рать бесталанных – на коне...
Неужто выживут в потомках?» («Ода посредственности»).*

Спрашивается, а зачем бесталанным этим «творчески выживать»? Время отбирает лучших. История сохраняет способных двигать жизнь, и это аксиома. В данном случае судьба автора, так сказать, заминирована, а «мин нет». Судьба находит свое выражение в контексте времени, в отношении к жизни, к ее этической, эстетической оценке, выражаемой в самом произведении.

Иными словами, сознание автора полностью охватывает сознание лирического героя. И этот герой соответствует самому автору, является его олицетворением.

Ускользающая масса стиха рождает непонимание миссии поэта, путает ее с обывательской позицией. К посредственности мы как-то быстро привыкаем, не замечаем ее, что-то плохо с нашим вкусом. Геннадий Попов своим творчеством напоминает о том, что где-то витает дух поэзии, лексики же насыщена такими словами, как «уныние», «скорбь», «безвременье», «хмурость». Слова создают фон, хочет этого автор или не хочет. Привычность родных стен, родимая крыша идентична обыденности слова. ищешь момента, когда за кадром остается пространство, не выраженное словесно...

Немало строк посвящено истории.

*«Воспрянь, крылатая Отчизна,
На чьих натруженных плечах
Висят вериги коммунизма» («Воспрянь, крылатая...»).*

Это раздумье о жребии, выпавшем родной стране, о ее прошлом. Время утрачено, жизнь идет вроде вперед, однако люди нищи, озлоблены, родные очаги брошены. А пророков нет в родном-то отечестве.

*«Кто примерился в призрачном свете,
Чтоб камня в пророков кидать?
Мы – твои забубенные дети...
Ты прости нас, великая мать» («Дорога»).*

И вот лирический герой на перепутье.

*«Спохватился, а жизнь пролетела,
И судьба затерялась вдали» («Перепутье»).*

Родные дома позабыты, от них только пепел в душе.

*«Это домики кто пожалеет?
Люди съедут в большие дома» («Пригородная деревня»).*

Все это – тема, читалось ранее. Но где же нюансы? Таковы раздумья автора о судьбах людских, об эпохе. В сборнике есть строки, посвященные городу и деревне, сельской природе, ее животным, птицам. Однако сказать – это еще не все, без психологизма трудно рассчитывать на духовность. Ждешь момента, когда бы за кадром оставалось дыхание, недосказанность, куда бы тянуло, втягивало неотвратно. А тут, на мой взгляд, все решилось уже в первом цикле... В итоге на вопросы автор отвечает такими словами:

*«Но злобный шепот: «Что ему...
Ну что им всем другим, неймется?»
И скопом бить по одному,
Прием не новый остается» («Ода посредственности»).*

Известно, настоящий поэт – остров в океане людском. И что же? Конечно, каждое время, каждый автор, каждая книга отвечает на это по-разному. Так держится ли автор на плаву нравственности или только ее декларирует? Новые книги скажут нам и об этом.